

Впервые «живьем» я их увидел много лет назад - в вестибюле Дома культуры МГУ на улице Герцена перед началом спектакля Студенческого театра. Она стояла легкая, веселая, в светлом изящном пальто. А он - чуть сутулый, надежный, спокойный, уверенный в себе. И оба очень красивые. Не показною, а именно естественной красотой красивых людей.

Я еще тогда подумал: он смахивает на капитана дальнего плавания, а она - на верную жену моряка и при этом - дочь моряка. Удивительное дело, но в значительной мере я не ошибся, хотя речь идет не о капитане дальнего плавания, а об артисте Александре Михайлове.

Потом мы познакомились с его женой Верой по ее искусствоведческим делам. А потом она познакомила меня с Сашей. Александр Михайлов из немногих думающих актеров. Нет, не умозрительных, конструирующих свое мировоззрение. Его мысль, как бы это красиво ни звучало, проходит через его душу. При этом в высоких категориях он предельно деликатен, вычурность мышления ему чужда. Если попытаться определить его одним словом, он - совестливый человек. У нас много с ним было разговоров «в ночь за полночь». Думаю, и вам будет интересно с ним пообщаться.

— Во всяком случае, в моем представлении ты добр к людям. Доброта ведь происходит из детства. У одних было ласковое, полное любви детство, вот они и вырастают самым естественным образом добрыми. Другие растут в чудовищной среде. И как простей ей - тоже вырастают добрыми.

— Ты ищешь какое-то «историческое» осмысление. А ведь бывает, когда человек добр не от условий счастливых или несчастных, а просто от самого своего рождения. Дар ему такой от Бога.

— Так тебе - дар?
— Нет, я потвоей «шкале», скорее, из второй категории.

Я из Забайкалья, из бурятского поселка Ц. Дацан. Странное название, словно инициал и фамилия. Перевести на русский тебе не могу. А потом жили с мамой на станции Степ.

Жилось нам чудовищно трудно. Собственно, как и всем остальным. Не люблю худое в памяти перебирать, но жилось - не приведи Господь. Спасибо, мама у меня человек крутой, но при этом добрая и веселая.

Ты же знаешь, как я к людям отношусь. Но все-таки многовато зла от них происходит. Был у нас пацан такой, Володей звали, мой одноклассник. У него нога оказалась от рождения больной. И такой умный человек он был, добрый, ласковый, лицом, кстати, красивый. Так ему проходу не было, «колченогим» обзывали, обижали, унижали.

— Ты знаешь, у меня в детстве было тоже такой вот Славка. И тоже

«Везучим меня не назовешь...»

добрый и очень умный, отличник. Закономерность, что ли?

— Я замечал, что люди, позволяя себе сказать, ущербные бывают заметно умнее окружающих, а главное, добрее. Думаю, это не заискивание перед окружающими. Видимо, человек, знающий, что такое горе, как-то поднимается над нашей грешностью. Впрочем, бывает и совершенно наоборот.

— И ты, как я понимаю, заступался за этого Володю.

— Заступался.

— Ты уже тогда здоровенный пацан был?

— Да что ты! Тощий, хлипкий, бледный. Это я потом, на флоте окрепался.

— Ты на флоте служил?

— Ну, это длинная история. Вырос я на озере Перелюйке. На тот берег переплынуть можно было, отсюда и название. И вот совсем пацаненком увидел в «Огоньке» какую-то картину Айвазовского. И ошалел! Тебе смешно, а представь себе пацаненка в дикой степи, который даже до «ремеслухи» еще не дорос. И я стал собирать все, что касается моря. Картинки, конечно. Но уже к четвертому классу у меня были бескозырка, тельняшка. Я их выменял у заезжего моряка на фотоаппарат «Смена-2».

В четвертом классе из Забайкалья в Ленинград в нахимовское попытался сбежать. Но уже на станции меня мама

словила. В четвертом классе надеть тельняшку, бескозырку, и друг Юрка Жиров привел меня к девочке, в которую я влюбился, к Вале Киселевой: «Вот, Санек влюблен в тебя!» А я стою, весь в тельняшке, в бескозырке, только что открытки с видами моря в руках не держу. Но не помогло. Нас с Юркой Жировым завернули от дверей по-дальше.

— Так на море все-таки попал?

— Мама ради меня во Владивосток переехала. Я там ремесленное училище окончил (вот уж где «дедовщина» была!), стал слесарем. А потом сбежал на дизель-электроход «Ярославль», взяв учеником моториста, сначала три месяца чистил форсунки.

Это была тяжелая, но самая сильная моя жизнь. Понимаешь, ощущение себя в природе. Сидишь после вахты на корме, а вокруг Тихий океан. И весь фосфоресцирует. В шторм я привязывал себя канатом, а волны меня изби-вали. И не поверишь, я хохотал. Да нет, я психически совершенно нормальный человек. Но, понимаешь, ощущение Великой Стихии! Не случайно ведь человека тянет к воде и к огню.

— Значит, море для тебя - самая великая стихия?

— А еще цыгане! Вот тоже стихия! У нас на станции Степ сосед был цыган, Степаном звали. Он оседлый был. Ну к нему родня его пришла, табором в поле стали. Я у них в таборе месяца два пропадал. Мама за мной приходила. Но Степан ей сказал: «Не трогай его, пусть на воле поживет».

Знаешь, у цыган главное не пляски, не буйное пение. Вот когда они тихо, печально поют, вот тогда их слышать надо. Я недавно в «Очарованном страннике» снимался, вся душа изболелась.

— Так как же тебя из этой жизни в искусство занесло?

— Самое большое мое потрясение - это спектакль студентов Дальневосточного педагогического института искусств «Иванов». Меня туда приятель привел. Я даже помню, что сидел в 4-м ряду на 17-м месте. Я тебе точно говорю, это решило всю мою жизнь.

А потом увидел на стене института: «Объявляется дополнительный набор». Мне уже 21 год был. Я пошел в институт, а там мне навстречу, как судьба, спускается по лестнице очень красивая женщина, может быть, самый главный человек в моей жизни - Вера Николаевна Сундукова. Она и стала моим первым учителем.

— Ты что, оказался жутко талантливым?

— Перестань ты! Не представляешь, какие вокруг талантливые были ребята и девочки. Да просто быть рядом с ними - большое счастье. Я готов был хоть с алебардой на сцене стоять, лишь бы прикоснуться к этим людям, к этой жизни. Ты думаешь, я преувеличиваю? Да у нас Валера Приемыхов учился. А он и сейчас для меня

огромное и человеческое, и творческое явление.

— Ну и как тебе там жилось?

— Года два меня из института выгоняли, хотя я даже стипендию не получал. Я ведь при этом на заводе электротриком работал. Где-то на третьем курсе исключать меня за бездарность из института перестали.

Да, вот еще замечательное имя - Крылов Николай Владимирович! Ах, какой человек, какой учитель был! Нет, в моей жизни и потом огромные люди были. Например, Всеволод Семенович Якут. Дело даже не в том, что с его легкой руки я оказался в Московском театре имени Ермоловой, и даже не в том, что это был выдающийся артист, а в том дело, что он был удивительно красивым человеком. Но Вера Николаевна и Николай Владимирович оказались у меня самыми первыми, самыми бескорыстно со мной намучившимися.

— Ты себя в этой жизни видишь только артистом?

— Нет, я бы наверняка тогда на море остался. Но мама за меня испугалась: «Или море или я!» А я маме никогда не перечил.

Недавно был с женой в круизе по Средиземному морю. Ночи напролет у борта стоял, в море глядел. Конечно, что-то очень важное в моей жизни произошло. Возможно, надо было на флоте остаться. Но кто это знает?

— А в любви тебе везло?

— Ну вот с Валей Киселевой, к которой меня Юрка Жиров в четвертом классе в тельняшке привел, не везло.

Правда, был и другой случай. Я года полтора вешал в раздевалке института свое пальто рядом с каким-то зелененьким дамским. Уже стал даже здороваться за рукав с этим пальто. И только потом познакомился с его хозяйкой - вся в очках и невероятно красивая. Вот с тех пор, с 1967 года, мы с Верой вместе.

Помню, я пригласил ее в кино и в темноте прикоснулся к ее руке. О, каким холодом я был облит! Конечно, она красивая женщина. При этом, что странно, умная женщина. Но все это, как говорится, ее личное дело. А вот то, что она - надежный человек, человек огромной нравственной чистоты, верный друг, - это уже общее государственное достояние.

— Очень ли Вера одобряет, когда ты увлекаешься какой-нибудь женщиной? По-товарищески, конечно, увлекаешься...

— Одно время, во всяком случае, спокойно относилась. Последнее время что-то напрягается, хотя неизвестно, с чего бы. Конечно, у Веры есть недостатки, но достоинств больше.

— А у тебя?

— А у меня сплошные достоинства. Хотя, кроме меня, никто так не считает. — Какие женщины тебя интересуют в первую очередь - красивые или некрасивые?

— В каждой женщине есть своя прелесть. Но у некрасивой надо долго добираться до ее внутренней красоты...

Впрочем, у красивой до внутренней красоты и вообще можно не добираться.

— У тебя в жизни были критические моменты?

— Один раз оказался в состоянии клинической смерти. Другой раз тонул на глазах у всего театра. Попал в крутой отлив океана, мы на гастролях в Ливии были.

— И что чувствует человек, по-гибая? Нет, что он чувствует, понятно. Точнее спросить - о чем он думает?

— Говорят, что, погибая, человек всю жизнь свою вспоминает. Нет, я думал только об одном - спокойно собраться и не дать волнам себя захлестнуть. Возможно, морская выучка сказалась.

— А какой-то смешной случай?

— А разве это не смешно? Привезли на гастроли исполнителя главной роли, а он тонет на виду у всех. По-моему, это весьма комично.

— Ты можешь примерно сказать, от какого актера ты произошел?

— Ты насчет «не сотвори себе кумира»? Да, очень опасно подпадать под влияние, начинаешь ведь подражать. Я был, конечно, в полном ошеломлении от Смоктуновского и Шукшина. Но спасло то, что им невозможно подражать.

И потом, знаешь, я не склонен преувеличивать степень своего актерского таланта, не так уж много Господь мне тут уделил.

— А какой талант он тебе уделил?

— Мне Бог дал только один талант - слышать и слушать, чувствовать и ощущать.

— Как у тебя отношения с сыном?

— Духовная близость несомненная. И, пожалуй, чем дальше, тем больше. Что касается вопросов творчества (он учится на киорежиссера), то моменты взаимного непонимания есть. А может, это просто возрастные различия. Я бы сказал так - в творческих делах мы друг к другу, несомненно, прислушиваемся.

— До какой степени ты поклонник? Можно ли на тебе «возить воду»?

— Смотря кто собирается «возить». А вообще-то, на меня где сядешь, там и слезешь. А то ведь многовато желающих.

— Ты везучий?

— Нет, и в потерю не выигрывал, и денег не находил, и живу не в то время. Так что везучим меня не назовешь. Поэтому у меня сто друзей и ни копейки рублей.

— И как бороться с невезением?

— А никак!

— А с везением?

— Вообще ни с чем не надо бороться. Живи, как Бог тебе положил, и не думай, что ты большего стоишь.

Беседу вел
Эдуард ГРАФОВ

Михайлов Александр

№ 9. 94